

одеждъ; есть письмо коричневаго тона и притомъ почти одноцвѣтное, „монохромное“ письмо греческой древности; главный же колеръ есть охра, отъ ея свѣтлыхъ, неаполитанскихъ тоновъ до темныхъ, темнокоричневыхъ и темнокрасныхъ, при чёмъ эти послѣдніе тоны соединяются съ наиболѣе строгимъ письмомъ.

Конечно, наибольшее количество новгородскихъ иконъ, находящихся въ новгородской Софіи, на ея столбахъ и иконостасахъ, и въ другихъ церквяхъ, не принадлежать лучшему письму новгородскихъ иконописцевъ, а худшему и притомъ позднѣйшему, писанному грубо, на зеленой подложкѣ, съ черными контурами и тѣнями, съ рѣзкими движеніями, или съ блесками, исполненными прямо бѣлизнами, съ непріятными, ярко-красными пятнами отъ густой киновари. Напротивъ того, коричневыя по своимъ колерамъ иконы отличаются несомнѣннымъ сродствомъ съ греческими образцами, за которые нерѣдко и выдаются преданиемъ¹⁰⁴).

„Въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, противъ богатаго Юрьева монастыря на крутомъ берегу р. Волхова, на высокомъ мѣстѣ стоять маленькая, издали бѣльющая церковь упраздненнаго монастыря Спаса-Преображенія Нередицы. Замѣчательная по своей сохранности церковка представляетъ полную фресковую роспись XII столѣтія, почти не тронутую реставрацію, во многомъ оригиналную, полную характерности. Дошедъ до нашего времени счастливымъ случаемъ и сохранившись въ главномъ украшеніи почти цѣликомъ, церковь стала страдать отъ стихій лишь въ самое послѣднее время, благодаря общему варварскому отношенію къ нашимъ памятникамъ и заброшенности запустѣвшаго великаго города, и нынѣ настоятельно нуждается въ поддержкѣ ея стѣнь и крыши отъ непогодъ, а фресокъ отъ сырости“¹⁰⁵.

Въ 1-ой Новгородской лѣтописи обѣ основаніи Спасо-Нередицкой церкви подъ 1198 годамъ записано: „Въ

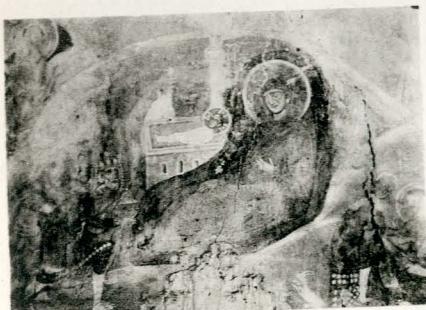
то же лѣто заложи церковь камяну князь великий Ярославъ, сынъ Володимиръ, вънукъ Мстиславъ, во имя Святаго Спаса Преображенія Новъгородъ на горѣ, а прозвище Нередице [читаютъ также и „въ Нередицахъ“]; и начаша дѣлати мѣсяца іюня въ 8, на святаго Федора, а кончиша мѣсяца сентября“. „Въ лѣто“ же „6707“ (т. е. 1199), читаемъ мы въ той же лѣтописи, „исписаша церковь святаго Спаса въ Нередицахъ“. — Изъ этого лѣтописнаго извѣстія видно, что зданіе храма было сооружено (конечно, вчернѣ) въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1198 года, а фрески были исполнены въ слѣдующемъ году.

Спасо-Нередицкая церковь была монастырскою съ времени своего построенія до XVII вѣка, затѣмъ была приходскою церковью, а въ настоящее время запататною и приписною.

Отсутствіе денежныхъ средствъ въ монастырѣ послужило къ сохраненію драгоценныхъ фресокъ церкви, не было денегъ — не было и возможности „исправлять“ и „поновлять“ стѣнопись. — Пожаръ въ церкви, бывшій въ 1543 году, не повредилъ фресокъ, такъ какъ коснулся лишь верхней части храма до плечъ.

Фрески Спасо-Нередицкой церкви представляютъ собою великолѣпный памятникъ живописи XII вѣка, весьма осторожно поновленный въ XIII вѣкѣ, какъ это видно по признакамъ иконографическимъ и палеографическимъ. По фресковой росписи остройми штифтами сдѣланы надписи, такъ, на южной сторонѣ столба, между алтаремъ и діаконикомъ читаемъ: „Въ лѣто 6787 [1279] мѣсяца октября 7 преставися рабъ Божій Кюриль на память святаго Сергія, а девятый день жена его преставися Оксинія. Господи, помози рабу своему Кюрилу и Оксинії“, в) на юго-западномъ столбѣ храма: „Въ лѣто 6762 [1254] мѣсяца генваря 29 преставися рабъ Божій Козма Ивановичъ“.

По поводу этихъ двухъ надписей проф. Н. В. Покровскій замѣчаетъ: „Какъ эта, такъ и другая надпись относятся уже ко 2-й половинѣ XIII вѣка; слѣдовательно, онѣ не ручаются

за то, что въ продолженіи слишкомъ 50 лѣтъ; протекшихъ оть времени первоначального написанія фресокъ, не было произведено здѣсь реставрацій: фрески по тѣмъ или другимъ причинамъ могли потребовать исправленія, и указанныя надписи могли быть нацарапаны не на первоначальномъ грунѣ, но исправленномъ. Допустимъ даже, что этотъ грунтъ первоначальный, тѣмъ не менѣе все-таки этимъ не исключается возможность исправленія фресокъ, состоявшаго напр. просто въ освѣженіи красокъ, исправленіи испорченныхъ мѣстъ безъ поновленія цѣлаго грунта; исправленіе этого рода могло имѣть мѣсто даже спустя долгое время послѣ 1279 г. (дата второй надписи). Наконецъ, не нужно опускать изъ вниманія и того, что нацарапанныя на внутреннихъ стѣнахъ Нередицкой церкви многочисленныя надписи не были доселѣ никѣмъ провѣрены критически ни со стороны внутренняго содерянія, ни со стороны палеографической, что составляетъ одну изъ неотложныхъ частныхъ задачъ русской археологіи, а потому мы и не можемъ усвоить имъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о цѣлостности первоначальныхъ Нередицкихъ фресокъ".

„Въ цѣломъ Нередицкія фрески представляютъ рѣдкое явленіе въ ряду другихъ памятниковъ фресковой живописи. По обилію иконографическихъ сюжетовъ и типовъ, удовлетворительной сохранности и отсутствію новѣйшихъ исправленій, онъ превосходятъ почти всѣ известные доселѣ памятники фресковой росписи въ Византіи и Россіи до XV в.. Грунтъ весьма крѣпкій съ примѣсью пеньки, сообщающей ему особенную вязкость. Стиль византійскій, сюжеты и типы, за исключеніемъ кн. Ярослава, византійскіе; надписи вертикальныя, отчасти греческія, напр. *Ιω, Προδρομος*; краски довольно блѣдныя; въ средней части храма онъ болѣе ярки и плотны, чѣмъ въ алтарѣ; фигуры правильныя, византійскія величественныя; выраженіе лицъ серьезное, даже строгое; сильныхъ анатомическихъ погрѣшностей не замѣтно; но аскетическая тенденція обнаруживается повсюду: въ морщинахъ между бровями, около носа

и особенно на лбу; въ алтарѣ фигуры крупнѣе и короче (6 головъ), чѣмъ въ средней части храма (8 головъ); всѣ святители въ фелоняхъ, съ короткими волосами. Медальонные изображенія въ аркахъ напоминаютъ существующія изображенія въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора. Поврежденія коснулись отчасти фресокъ алтаря, гдѣ повреждены изображенія апостоловъ въ тайной вечери; особенно же верхнихъ частей — сводовъ, купола и стѣнъ. Это могло произойти прежде всего, во время пожара, бывшаго здѣсь 12 мая 1543 года¹⁰⁶).

Въ куполѣ Спаса-Нередицкой церкви представленъ Спаситель, сидящій въ разноцвѣтномъ кругѣ (небесныя сферы) на радугѣ, Онъ десницею благословляетъ сложеніемъ трехъ перстовъ, въ шуйцѣ держитъ свитокъ за семью печатями. Кругъ поддерживается шестью ангелами, поднявшими свои руки кверху. Ниже апостолы, обратившіе свои взоры къ вознесшемуся Господу (надпись „взыде Богъ“), некоторые въ движеніи воздѣваютъ руки; надпись гласить: „Всі языцы восплещите руками“ (Псаломъ 46, стихъ 2).— Среди апостоловъ Богоматерь, слѣва и справа Ея по ангелу.— Несомнѣнно, въ этой композиції здѣсь представлена сцена Вознесенія Господня.

Ниже изображеній апостоловъ представлены пророки, въ спокойныхъ позахъ.

Въ парусахъ сводовъ помѣщены четыре Евангелиста.

На поясѣ купольнаго барабана (на ребрахъ арокъ), промежъ Евангелистовъ, на восточной и западной сторонахъ находятся два изображенія Нерукотвореннаго образа, а также фигуры Іоакима и Анны.

Въ зенитѣ алтарнаго свода изображенъ „Іисусъ Христосъ—ветхій деньми“ (по сторонамъ изображенія надпись;

ІС	ХС
ѢСТЬ	ДНЬ
ХЫ	ЛНЬ
И И	

), въ медальонѣ, по грудь. Спаситель здѣсь въ видѣ старца, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами на головѣ,

съ сѣдою бородою, но въ одеждахъ, обычно присваивае-
мыхъ Іисусу Христу. Голова Его украшена кресчатымъ
нимбомъ (съ буквами: „ѡѡѡ“). Господь десницею благослов-
ляетъ (именословнымъ перстосложеніемъ), въ шуйцѣ дер-
житъ свитокъ. Художникъ въ настоящемъ случаѣ отнесъ
ко Христу извѣстное пророчество Даніила: „престоли по-
ставиша и ветхій денми сѣде (Дан. VI, 9; ср. XIII, 22).
Подобное же рѣдкое изображеніе, между прочимъ, ввело
впослѣдствіи дьяка Висковатаго въ смущеніе.

По сторонамъ медальона съ изображеніемъ „Ветхаго
деньми“ находятся двѣ фигуры архангеловъ—Михаила и
Гавріила; оба архангела въ рукахъ держать жезлы (въ
правыхъ) и шары, въ которыхъ начертанъ крестъ съ над-
писями: „Іс. Хс. ника“.

Ниже, ближе ко лбу алтарной абсиды изображенъ „пре-
столъ угостованный“, съ орудіями страстей; по сторонамъ
креста надпись: „Престолъ Господень. Іисусъ Христосъ“;
справа (отъ зрителя) престола летящій „серафимъ“, слѣва
„хѣровимъ“, около того и другого написано: „Стъ Стъ
Стъ Гъ“.

Подъ этою фреской, во лбѣ алтарной абсиды,—фигура
„Богоматери Великой Панагії“ (надпись: „Мр. Θу“). На
Божіей Матери поверхъ голубой туники накинута пурпу-
ровая мантія, за поясомъ у Ея бѣлый платъ; на ногахъ
осыпанная жемчугомъ—красная царская обувь.—Богома-
терь представлена стоящей во весь ростъ, съ воздѣтыми
руками (ср. изображеніе „Нерушимой стѣны“ въ Кіево-
Софійскомъ соборѣ). Стоитъ Она на подножіи, украшен-
номъ перлами. На груди Ея, въ медальонѣ, изображеніе
Богомладенца—Еммануила, держащаго въ лѣвой рукѣ сви-
токъ, правою благословляющаго.—Ликъ Богоматери старо-
образный.

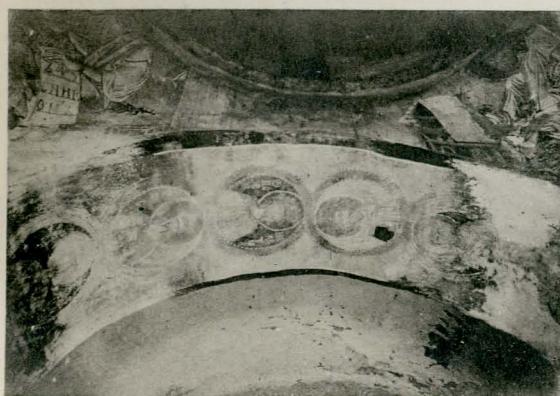
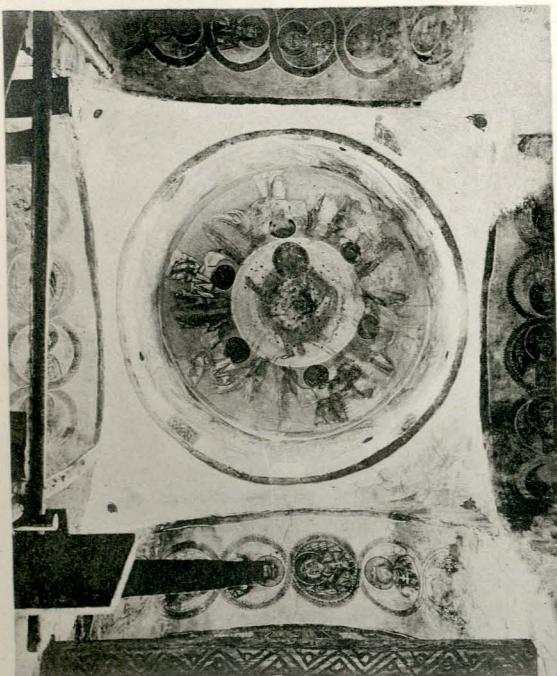
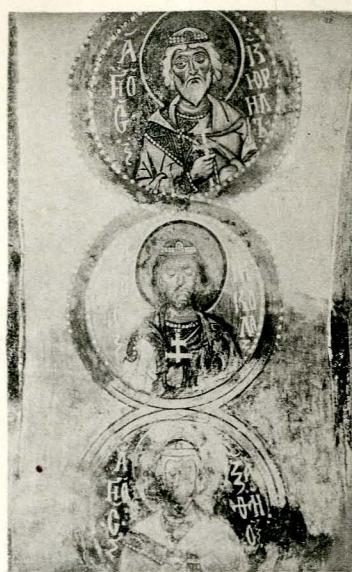
„По тягамъ арокъ расположены обычные медальоны
съ изображеніями сорока мучениковъ; имена ихъ и способъ
написанія какъ будто указываютъ на грека, тщетно ста-
равшагося передать извѣстныя греческія имена по славян-

ски, или-же на огреченного южного славянина—болгарина или серба: *Леонть*, *Иоулиос*, *Кюрил*, *Николас* и пр. По сторонамъ Богородицы слѣва и справа стоящія малыя фигуры съ трудомъ различаются: святой подводитъ женщину къ Богоматери на одной сторонѣ. Ниже обычная *Евхаристія* съ двоякимъ причащеніемъ и двумя изображеніями Спасителя. По причинѣ узкости абсиды, и неумѣнію живописцевъ уменьшить бывшія въ рукахъ кальки или прориси, взятые изъ большихъ церквей, съ большими фигурами, обычный рядъ *святителей* пришлось помѣстить *въ двухъ поясахъ*: Климента, Николая, Аѳанасія, Иоанна Златоуста, Григорія, Василія, *Іеваноса* и пр. Подъ окномъ абсиды, въ нишѣ юный Іисусъ Христосъ и по сторонамъ его Иоаннъ Предтеча и *агія Марœа*—изображеніе какъ будто *Деисуса* съ Иоанномъ и Марию, по ошибкѣ письма превратившейся въ Марѣу; но въ Деисусѣ, вместо Спасителя обычного типа, представленъ какъ будто юный учитель Іерусалимскаго храма, вспомянутый здѣсь ради горняго мѣста, которое украшено этимъ изображеніемъ: примѣръ пока единственный, но замѣчательный по глубинѣ мысли. Въ томъ же алтарѣ, въ нишѣ направо отъ входа изображенъ Пророкъ Илія (Ильяс), получающій отъ голубя хлѣбецъ въ пищу—прекрасная фигура, строгаго типа, съ косматыми волосами, сидящая въ пустынѣ, т. е. между скалистыхъ горъ. Въ другой нишѣ большой образъ погрудъ, представляеть св. Петра Александрийскаго, держащаго Евангеліе и благословляющаго сложеніемъ трехъ перстовъ. У него, какъ и у другихъ святителей, волосы на головѣ выстрижены гуменцомъ; всѣ Святители облечены въ крещатые омофоры поверхъ фелоней, всѣ сѣды, въ типѣ византійскихъ мозаикъ, т. е. съ глубокими морщинами, съ рѣзкими обликами. Изъ Святителей Доментіана, Амфілохія, Власія, Ипатія, Іакова, Григорія обращаетъ на себя вниманіе *Лазъръ*, безбородый и съ гуменцемъ; всѣ надписаны О АГІОС^{“ 107”}.

Помѣщеніе въ алтарѣ изображенія св. Петра Алекс-

сандрійского имъеть высокій смыслъ, что видно изъ слѣдующаго сказанія его житія. Святитель во время богослуженія никогда не садился „на престолъ, сѣсть на горнѣмъ сѣдалищи“, но „на подножіи (егда бѣ время) сѣдяше“, — „и никогда же на степени престола свое го взыде; о чесомъ вси людіе и клирицы негодующе, многащи его мольбами своими принуждаху, да сядетъ на престолъ своемъ: но онъ не изволяше никакоже. Единою же по божественной літургії созвавъ весь клиръ свой, рече имъ: вѣсте ли, чесо ради не сѣдаю на престолъ моемъ, ни восхожу на степени его? того ради, яко егда приближаюся къ престолу, вижу на немъ свѣтъ небесный и нѣкую Божественную силу пребывающую; ужасомъ убо обятьть бываю и не дерзаю сѣсти тамо, видя себе недостойна суща; но сѣдаю на подножіи и то со страхомъ; сie же вамъ сказахъ, да не стужаете ми болѣе. Тоя убо ради вины по скончанію его посадиша его людіе на престолъ (то есть на горнѣмъ мѣстѣ — какъ сказано ранѣе) мертвa и вопіяху, глаголюще: моли о насъ, святый угодниче Божій“ и пр..

Въ алтарной же росписи помѣщены святители Андеймъ и Игнатій, а также (во весь ростъ) на столбахъ свв. діаконы (въ стихаряхъ): Авивъ, Стефанъ и Лаврентій, ниже которыхъ въ особомъ медальонѣ „святая (мученица) Евдокія“ съ крестомъ въ рукѣ.

Въ полукружіи жертвенника (съ сѣверной стороны алтаря) представлена (по грудь) Богоматерь Панагія или „Знаменіе“. На груди у Нея медальонное изображеніе Бого-младенца. Ей кланяются двое святыхъ, одинъ изъ которыхъ, съ надписью „агіос алькоса“, одѣтый въ рубище, есть не кто иной, какъ Алексѣй Человѣкъ Божій. Согласно его житію, онъ былъ сыномъ богатыхъ родителей, но отъ нихъ и своей невѣсты (въ Римѣ) убѣжалъ въ г. Эдессу, гдѣ пробылъ 17 лѣтъ въ молитвѣ при храмѣ Пресвятой Богоматери. Здѣсь было „о немъ пономарю церкви откровеніе, видѣ бо пономарь въ видѣніи икону Пречистыя Богородицы, къ нему глаголющу: введи въ церковь мою

человѣка Божія, достойна суща небеснаго царствія; ибо молитва его яко кадило добровонно восходитъ предъ лицемъ Божіе и яко вѣнецъ на главѣ царствій, аще на немъ Духъ Святый почиваетъ. Пономарь же по видѣніи, поискавъ человѣка таковаго, и не обрѣтъ, ко иконѣ Богородичной обратися, молящи Владычицу, да покажетъ ему извѣстно Человѣка Божія. И слыша паки въ видѣніи гласъ отъ Пречистыя Богородицы, яко сѣдай нищъ у дверей церковныя паперти, той есть человѣкъ Божій; обрѣтъ убо его пономарь, въ церковь введе, да въ ней пребываетъ: и увѣдано бысть святое его житіе многими и начаша его почитати. Святый же Алексій, бѣгая человѣческія славы и почитанія, отъиде отъ Едесскаго града, никому же вѣдущу“.

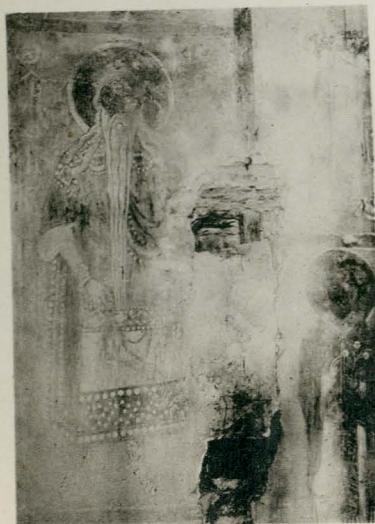
Подъ изображеніемъ Богоматери, въ нишѣ абсиды, представлены св. апостолъ Іаковъ Алфееевъ (въ медальонѣ), св. Мина (на столбѣ; надпись *Минас*, онъ изображенъ старцемъ, что необычно), преп. Авраамій, преп. Дементій (въ особой нишѣ или аркосолії).

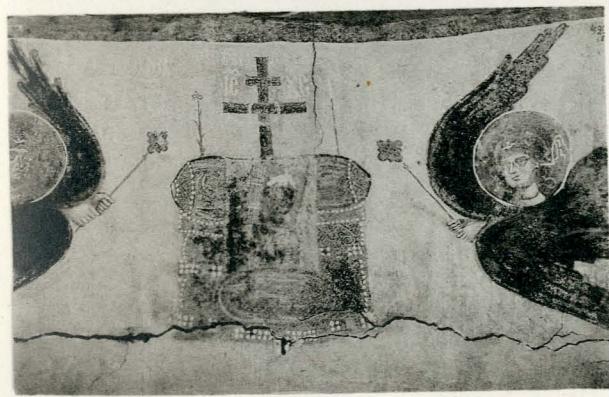
Въ діаконикѣ изображены св. Іоаннъ Креститель, со сценами изъ его жизни, свв. муч. Кирикъ и Улита, „о агішь Тимофеи“ юноша, съ евангеліемъ и орапемъ, и рядъ свв. женъ: „Репъсимия, Зиновія, Устинья, Дымъника, Хрѣстина, Арина, Огафія, Татиана, Февронія“, всѣ онѣ, кромѣ „Хрѣстины“, — въ монашескихъ одеждахъ, съ крестами въ рукахъ.— „Хрѣстина“ же напоминаетъ собою прелестную фигуру св. Екатерины („о агіа Катърина“), помѣщенную въ томъ же діаконикѣ. Свв. Христина и Екатерина одѣты въ царскія одежды, подъ шею подвѣсная лунница („меніскъ“) съ чернью по золоту, поверхъ одежды лоронъ, на головѣ у каждой роскошная діадима съ подвѣсными жемчужными нитями.

Въ средней части Спасо - Нередицкаго храма въ глубинѣ верхнихъ люнетовъ, на стѣнѣ, надъ сводомъ помѣщены колоссальныя изображенія архангеловъ Уріла и Рафаила.

Затѣмъ наиболѣе видныя здѣсь мѣста заныты изображеніями двунадесятыхъ праздниковъ и главнѣйшихъ событій изъ Евангелія.

На двухъ столбахъ тріумфальной арки, которая ведеть въ алтарь, изображено Благовѣщеніе, но фреска эта сохранилась весьма плохо.

На съверной стѣнѣ, въ нижнемъ ряду, между алтарными и средними столбами, представлено Введеніе во храмъ. — Св. Марія, сзади которой праведные Іоакимъ и Анна и группа дѣвицъ съ вѣнками на головахъ, приближается къ первосвященнику, простирающему къ Ней свои руки. Вглубь картины—іерусалимскій храмъ, гдѣ сидящей Дѣвѣ Маріи ангель приносить пищу.

Отъ этой сцены ближе къ иконостасу находится фреска съ изображеніемъ Срѣтенія Господня. Богомладенецъ на рукахъ у Богоматери, сзади Которой стоить прав. Іосифъ съ клѣткой (съ 3 птицами) въ рукахъ, а впереди престолъ съ кивориемъ. У престола св. Симеонъ Богопріимецъ протягиваетъ свой, задрапированный въ плащъ руки къ божественному Младенцу, сзади св. пророчица Анна.

Выше этой сцены представлено Распятіе Господне на восьмиконечномъ крестѣ, съ двумя ангелами вверху, внизу съ предстоящими Богоматерью, святою женою, Іоанномъ Богословомъ и воиномъ. Тѣло Господа изогнуто, ноги Его на поперечной косой балкѣ.

Ближе къ иконостасу отъ Распятія—Снятіе со креста.

На съверномъ склонѣ церковнаго свода — фреска съ изображеніемъ Воскрешенія Лазаря, представленного въ видѣ стоящей возлѣ пещеры спленатой муміи, къ которой Спаситель протягиваетъ руку.

Ближе къ иконостату Сошествіе Іисуса Христа во адъ. Спаситель стоитъ на вереяхъ ада, по сторонамъ Его прародители—Адамъ и Ева; около головы Спасителя—ангель.

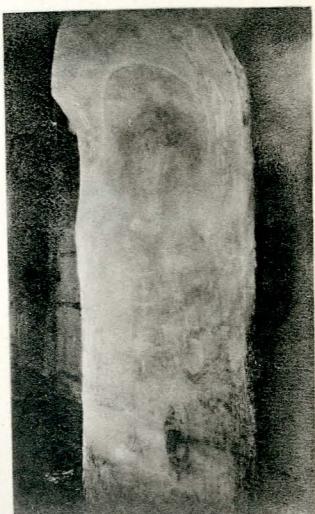
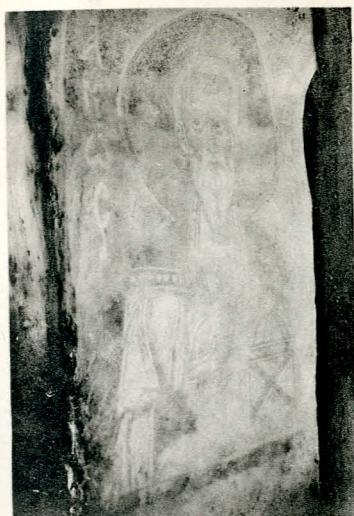
Рождество Богородицы изображено на восточномъ фасѣ съверозападнаго столпа. На ложѣ полулежитъ праведная Анна, къ которой подходятъ двѣ женскія фигуры съ со-

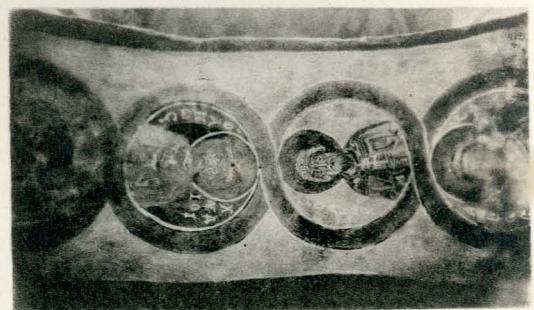
судами; внизу у постели сцена омовенія младенца двумя служанками въ купели. Сзади св. Анны, нальво, изъ-за двери выглядываетъ еще служанка.

Кромъ того, въ средней части храма представлены: Рождество Господне и Преображеніе на западной стѣнѣ, Страсті Господни: „заушаютъ за ланиту“, „предается на Распятіе“ (половинныя), бесѣда съ апостолами, „какъ предасться на страсть“. Выше Страстей *Жертвоприношеніе Исаака и Святая Троица*. На южной стѣнѣ вверху сцены Страстей же Христовыхъ Спаситель въ саду Геѳсиманскомъ и нѣсколько сценъ, исчезнувшихъ уже, на сводахъ; ниже Крещеніе Иисуса Христа.

„Иисусъ Христосъ стоитъ въ водѣ съ благословляющею десницею, у ногъ Его восьмиконечный крестъ съ надписью Іс. Хс; Іоаннъ Предтеча возлагаетъ десницу на главу Иисуса Христа. На заднемъ планѣ—гѣры; сверху изъ-за горъ (слѣва) выставляются два ангела съ покрывалами въ рукахъ; съ правой стороны Спасителя еще два ангела съ такими же покрывалами; внизу съ лѣвой стороны группа людей сидящихъ: одинъ только что снялъ верхнее платье (кисть его правой руки еще въ рукавѣ), другой съ сумкою чрезъ плечо снимаетъ сапоги, третій бросился въ воду и плыветь къ Иисусу Христу; изображенія Св. Духа нѣтъ. Гористый ландшафтъ оживленъ скучною растительностью“¹⁰⁸⁾.

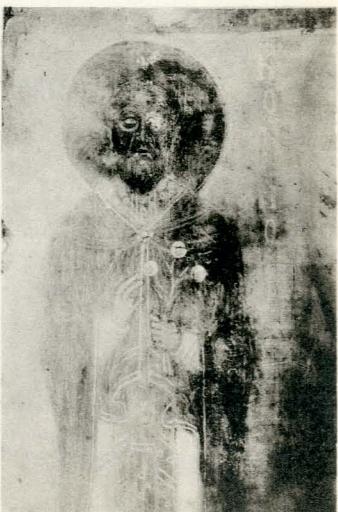
„Все остальное пространство занято изображеніями святыхъ или по группамъ,—воиновъ, преподобныхъ и т. д., или же отдельно, въ полныхъ фигурахъ, или же погрудь, въ аркадахъ фризами или же отдельно въ медальонахъ, иногда посреди евангельскихъ сюжетовъ, наприм. образъ преподобнаго Нестора рядомъ съ *Рождествомъ Богородицы*. Изъ этихъ образовъ особенно заслуживаютъ интересъ нѣкоторые женскія фигуры, напр. о *агиа варвара*, въ золотной, видимо, шелковой шапочкѣ; шапочка какъ будто сдѣлана изъ шелковаго платка, затѣмъ ниспадающаго на плечи и окутывающаго шею, — точный оригиналъ мало-

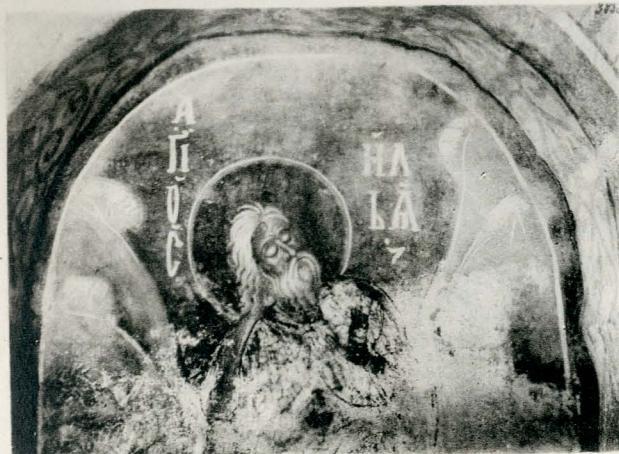
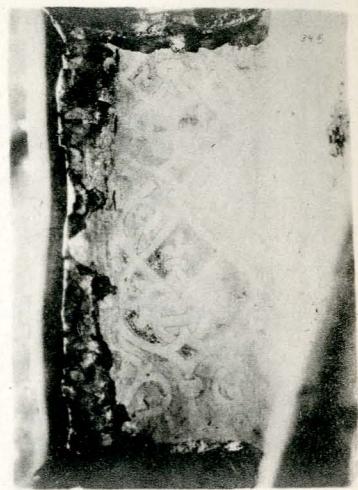
российского очипка; малиновая фелонь застегнута брошью. Подобный же уборъ представляеть головной покровъ Ульяны; по краскамъ и письму являются очень характерными изображенія *Федосии*, *Пелагіи*, *Татіаны*, *Евфиміи*, *Домініки*. Такою же сочностью или глубиною тоновъ, въ отличіе отъ константинопольскаго легкаго письма (розовый и голубой, свѣтлозеленый, свѣтложелтый цвѣта), отличаются и многія фигуры святыхъ: *Іоанна Воина*, *Мартира*, *Стратоника*, *Прокопія*, *Даломата*, *Акакія*, *Бенедикта*, *Ермолая*, *Мануила*, *Діонисія*, *Спиридона*, *Иларіона*, *Никифора*, пророка Елисія и Маріи Египетской, *Ефросиніи*, *Феклы* и пр.. Интенсивно—желтокрасный цвѣтъ тѣла, превращаясь въ фотографическихъ снимкахъ въ черный, придаетъ ликамъ несвойственную имъ мрачность“¹⁰⁹).

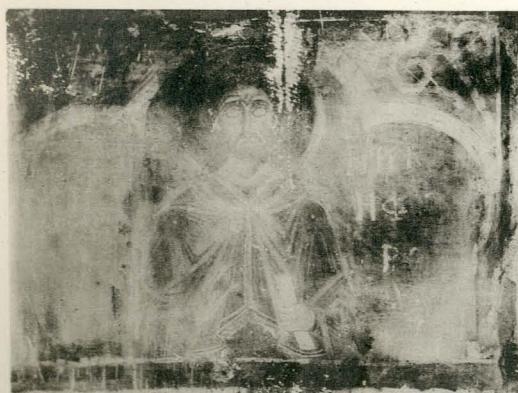
Подъ хорами на западной стѣнѣ храма и на прилегающихъ къ ней частяхъ южного и съверного нефа изображенъ Страшный судъ (надпись „Страшный судицъ“). Посрединѣ картины представленъ Христосъ — Судія, възсѣдающій на радугѣ внутри миндалевиднаго ореола,—съ простертymi дланями. Спасителю предстоять—Богоматерь и Іоаннъ Креститель (какъ въ деисусѣ). На престолахъ возсѣдаютъ 12 апостоловъ, а сзади нихъ изображены 12 ангеловъ. Направо два ангела, одинъ изъ нихъ трубить внизъ, другой вверхъ, они призываютъ живыхъ и мертвыхъ на судъ; ниже—мертвые поднимаются изъ гробовъ; архангель Михаилъ скатываетъ небесный свитокъ съ солнцемъ и луною. Ниже изображенія Іисуса Христа уготованный престолъ, предъ которымъ стоять на колѣнахъ правородители грѣшнаго человѣческаго рода Адамъ и Ева. Налѣво ангель съ праведными вѣсами, около него праведная душа въ видѣ крохотной человѣческой фигуры. Далѣе группы (семь) праведниковъ: „апостоль“, „пророческъ“, „мученикъ“ (изображены въ патриціанскихъ костюмахъ), „отечъ“ (—святителей, въ крестчатыхъ фелонахъ), „черноризцевъ“, „святыхъ женъ“, наконецъ, седьмая группа, въ которой присутствуетъ, между прочимъ, ап. Павелъ (?),

впереди ап. Петръ съ ключемъ ведеть группу въ рай, который помѣщенъ частію надъ перечисленными группами, а частію—на южной стѣнѣ. Въ уровень съ апостолами (на престолахъ) изображена Богоматерь, въ молитвенной позѣ, Она сидить на престолѣ, по сторонамъ Ея два ангела; сбоку благоразумный разбойникъ, съ перевязкою по чресламъ, держить крестъ въ рукахъ. На южной стѣнѣ—„лоно Авраамле“,—среди райскихъ деревьевъ сидить Авраамъ, держацій маленькаго человѣчка—праведную душу, голова которой украшена нимбомъ. Рядомъ группа другихъ душъ. Съ лѣвой стороны отъ Божественного Судіи—внизу—адъ. Близъ Адама и Евы огромный старый сатана съ длинными усами и стоящими дыбомъ волосами на головѣ сидить на звѣрѣ, въ рукахъ у него Іуда. Апокалиптическая жена—блудница єдетъ на чудовищномъ звѣрѣ, грызущемъ человѣчка; въ рукахъ ея сосудъ, изъ него пьетъ перевившійся чрезъ нее змѣй. Продолженіе картины на съверной стѣнѣ, мученія грѣшниковъ въ адѣ изображены въ видѣ пяти „темноокрашенныхъ квадратовъ съ головами и надписями: *тьма кромѣшия, смола, иней, скрѣжату зубомъ, мразъ* и пр. Внутри языка пламени сидить Лазарь богатый, исполнъ горящаго пламени, и, указывая на уста свои, молить: „отче Абраме“,—подробная надпись передаетъ его тщетное моленіе, а передъ нимъ дымчатый діаволъ, съ дымящимся чубомъ волосъ, страшно оскалившій зубы“¹¹⁰).

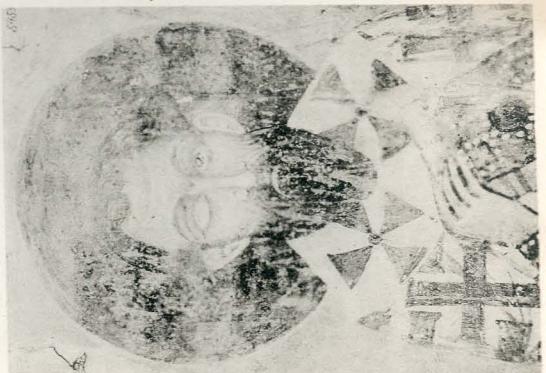
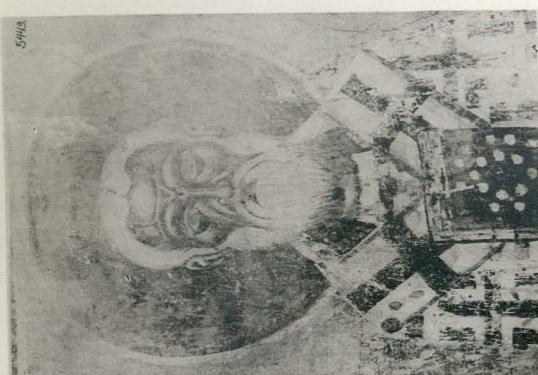
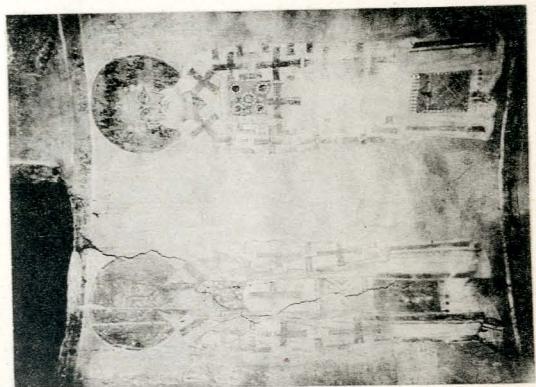
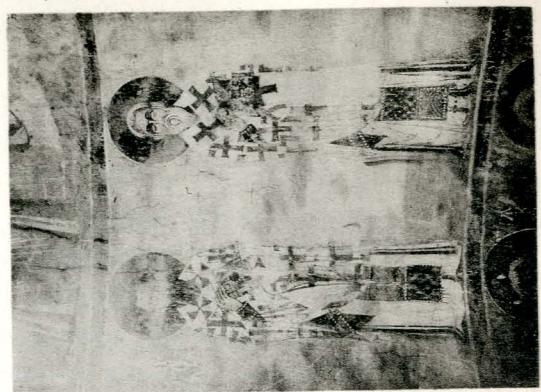
Въ этой картинѣ мы видимъ первый по времени прімѣръ *полнай*, разработанной въ деталяхъ композиції Страшнаго Суда въ стѣнописяхъ православныхъ храмовъ.

Но самая главная достопримѣчательность Спасо-Нередицкой церкви находится на южной стѣнѣ, „въ видѣ аркосолія или полукруглой ниши (какія въ греческихъ церквахъ X—XII вѣковъ устраивались или же росписывались надъ могилами ктиторовъ церкви, погребенныхъ въ боковомъ нефѣ, всего чаще южномъ, или же въ нартексѣ“), это—фреска съ изображеніемъ князя, который подносить мо-

дель построеної имъ небольшой церкви съ одною абсидою и византійскою крышею Спасителю, сидящему на тронѣ и благословляющему храмоздателя. У послѣдняго на головѣ соболья шапка съ голубымъ верхомъ, одѣтъ онъ въ темно-малиновое корзно, все богато расшитое или вытканное золотыми разводами въ видѣ круговъ и орнаментальныхъ побѣговъ, съ широкою (шелковою) каймою, которая отвѣчаетъ цвѣту подкладки, на ногахъ высокіе сафьянныя сапоги. У князя длинная, съ просѣдью, борода. Между княземъ и Спасителемъ длинная надпись: „О боголюбивый княже, второй Всеволодъ, злые обличая, добрыя любя, правыя кормя и вся церковныя чины и монастырскіе лики милостивы имая, но, милостивче, кто твоя добрѣтели можетъ исчести, но даждь Богъ цесарствіе небесное со всѣми святыми, угодными ти въ безконечныя вѣки, аминь“.

Покойный академикъ И. И. Срезневскій, обслѣдовавшій эту надпись (Ізвѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 1863 г. т. IV, стр. 201—205), относить ее ко времени до 1200 года, а изображенаго на фрескѣ князя считаетъ великимъ княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, соорудившимъ Спaso-Нередицкую церковь.

Разматриваемая фреска, какъ обнаружилъ это покойный Прохоровъ, носить слѣды древнѣйшаго поновленія,— подъ верхнимъ изображеніемъ князя было открыто другое первоначальное.

„Если надпись, говорять Толстой и Кондаковъ, желаетъ Ярославу царства небесного еще при жизни его, то эти пожеланія были въ обычаяхъ того времени, какъ видно изъ той же новгородской лѣтописи, записывающей изъ года въ годъ такія пожеланія то архіепископамъ, то другимъ строителямъ: „и веселяшесь блаженный, устроивъ собе память вѣчную и всѣмъ крестьянамъ честный монастырь“. Любопытенъ также намѣренный панегирическій характеръ надписи, выставляющей князя высоко добродѣтельнымъ мужемъ, который, „любя добрыхъ, обличалъ

злыхъ“ гонителей своихъ, бывшихъ, видимо, въ Новгородѣ всесильными. Лѣтопись не знаетъ въ точности ни послѣдующей судьбы князя, ни даже года его смерти: онъ былъ одною изъ жертвъ партійныхъ страстей. Но своеобразный подборъ изображеній святыхъ въ алтарѣ и особенно въ южномъ нефѣ указываетъ на различныхъ членовъ княжеской семьи, и потому Нередицкая церковь является характерною „дворцовою“, или точнѣе „придворною“ церковью“¹¹¹).

Новгородская церковь Св. Николая на Липнѣ, близъ озера Ильменя, бывшая нѣкогда монастырскою, въ настоящее время находится въ полномъ запустѣніи. Липенскій монастырь находился отъ Новгорода къ юго-востоку verstахъ въ семи, при впаденіи рѣки Липны и притока ея Гнилицы въ озеро Ильмень. Въ росписи 1615 года значится онъ на Торговой сторонѣ около Новгорода, а въ Исторіи Российской Іерархіи въ Обонежской пятинѣ. Согласно одной древней рукописи, Карамзинъ сообщаетъ, „что князь Мстиславъ, будучи въ тяжкомъ недугѣ, видѣлъ во снѣ Николая Чудотворца, велѣвшаго ему послать въ Киевъ за его образомъ, который стоялъ въ Софійской церкви, что бояринъ Мстиславовъ отправился туда озеромъ Ильменемъ, и что поваръ сего боярина, черпая воду, увидѣлъ самую ту икону, за кою они ѿхали; что Мстиславъ выздоровѣвъ, поставилъ ее во храмѣ Св. Николая на княжескомъ дворѣ; что царь Иоаннъ Васильевичъ перевезъ ону въ Москву, въ церковь Благовѣщенія на царскомъ дворѣ, где сія икона чрезъ 25 лѣтъ сгорѣла во время пожара; что новгородскій архіепископъ Климентъ въ 1292 году построилъ церковь Св. Николая на Липнѣ, въ семи поприщахъ отъ Новгорода, на берегу Ильменя, куда приплылъ изъ Киева образъ сего угодника“. Въ третьей новгородской лѣтописи подъ 1292 годомъ читаемъ: „заложи архіепископъ новгородскій Климентъ церковь каменну Святаго Николы чудотворца, на Липнѣ въ монастырѣ, отъ Великаго Новаграда за 7 поприщъ, спустя послѣ приплытія святаго образа 180 лѣтъ“.